

Сосо
Саркисян

5/III-88

● ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

ОТ МЕЧТЫ К РЕАЛЬНОСТИ

С Сосом Саркисяном, народным артистом СССР, ведущим актером академического театра имени Сундукяна беседовать легко и трудно. Легко потому, что собеседник прекрасно владеет предметом разговора, трудно — по этой же причине. Мы начали с гражданственности, с темы, которая по-особому звучит в наши дни.

— Гражданственность актера, видимо, особенно ярко проявляется, когда выходишь на свою роль, на свой материал, а большой актер, тем более, не может не быть большим гражданином.

— Почему только большой актер? Каждый художник обязан быть гражданином, особенно в наше время, сейчас, когда есть возможность проявить себя, но было бы лучше, если бы мы еще в так называемый застойный период проявили больше гражданственности, не подлаживались, не закрывали бы глаза на все негативное.

— Но вы как раз один из тех, кто во время застоя и вел гражданские роли и как-то будил самосознание. И сегодня, когда появилось больше возможностей, видимо, вопрос лишь в материале!

— Да. Ибо для каждого актера у нас вопрос вопросов: что играть? Кто предложит хорошую роль?

— Я помню, вы говорили: «Чехов для меня — это неуязвимая правда».

— Ну, вот, видите, прошли годы, годы, и скоро мне будет 60, а так и не пришлось претворить в жизнь мою мечту. Казалось, что я смогу сказать что-то очень важное в роли дяди Вани еще лет двадцать тому назад. По Чехову получается так, что есть некая мировая несправедливость: кто-то, не занимающий высокое положение в обществе, скромный, тихий, работает, трудится, создает ценности, а какая-то группа паразитов незаслуженно пользуется этими ценностями.

Издравле, изначально перед человечеством стоит вопрос: как справедливее распределить жизненные блага? Это вопрос вопросов. Вот в «Дяде

Ване» это поразительно сильно, остро. Были, конечно, мечты и сейчас они есть, связанные с «Венецианским купцом» Шекспира, с «Королем Лиром», но вы знаете — мечты ведь тоже имеют предел, и где-то они тоже глохнут, особенно когда натыкаешься все время на стену...

— Вы видите изменения в театральной жизни республики?

— Вижу, к плохому, к худшему, и об этом очень много писалось. Вся суть здесь сводится к тому, что нужны хорошие спектакли, нужны личности в театре. Сложилось так, что в советском театре есть главные режиссеры, и они, по-моему, за последние несколько десятилетий слишком фетишизировались. Это пошло от того, что после Станиславского и Немировича-Данченко всем казалось, что театр без главного режиссера не может. И все театры сегодня имеют главных режиссеров, которые пытаются выполнять те же функции, что Станиславский и Немирович-Данченко. Хотя право на это ни по таланту, ни по мысли, ни как граждане, они не имеют.

Но и это одна сторона дела. А другая, как мне кажется, заключается в том, что, став главою театра, режиссеры начинают верить в свою незаменимость и непогрешимость. Все, что делается в театре, они подчиняют себе. Даже появилось выражение: театр Иванова, театр Петрова, Сидорова. И давно из нашего лексикона выпало выражение: «театр, где работают такие-то, такие-то актеры», то есть актер ушел совершенно на второй план. По-моему, это главная причина того, что актеры измелись. Появились люди, которые в

театре быстро подлаживались под вкусы и желания главного режиссера. Но, потеряв лицо, потеряв целостность своей натуры, потеряв возможность стать личностью, можно ли играть личности на сцене? Ведь надо в жизни сохранить какие-то позиции, чтобы исходя из них и играть свои роли, скажем, того же Гамлета...

— Как Гёте говорил, чтобы создать, надо кем-то быть...

— А мы потеряли эту мудрую мысль. Мы будучи ничем, хотим на сцене казаться и кажемся очень часто людьми честными, принципиальными. На самом деле сейчас трудно обмануть людей, они все понимают. Очень многие, например, говорят, что Жан Габен повторяется в каждой своей роли и ничего нового он не несет. А я восхищаюсь им, я понимаю, что это та личность, это та огромная глыба человеческого богатства, внутреннего, духовного, это та натура, которая имеет право повторяться. Он богат внутренне, у него масса удивительных оттенков, масса духовных порывов. Мне всегда интересно глядеть на него потому, что это личность.

— Сос Арташесович, сейчас идет эксперимент в театре имени Сундукяна. Что-нибудь у вас меняется?

— Я должен сказать, что изначально не понимал и не понимаю, что такое эксперимент, потому что для меня всегда было ясно: надо играть хорошие спектакли, надо иметь драматургию, надо иметь хороших актеров. Эксперимент это или не эксперимент — не имеет никакого значения.

— Ну вот эксперимент и замыслил для того, чтобы в театре появились новые высокохудожественные спектакли...

— Но ведь этот вопрос стоял и раньше: играть хорошо, иметь хорошую драматургию, заботиться о ней.

— Так происходит что-то в театре Сундукяна или нет?

— По-моему, пока нет, ну

хоть и руководство театра нас обнадеживает, но пока что-то не видно результатов. Беда наших театров в громоздкости. Это страшно. Так, если, скажем, в труппе даже 80 человек, то основная нагрузка падает на 20 процентов из них. А остальные могут быть или не быть. При этом эти 20 процентов получают почти одинаковую зарплату с остальными...

— Опять же уравниловка!

— Да. Потому что, вы знаете, чтобы сыграть одну главную роль, с полной отдачей, нужно затратить адский труд, и поэтому должно быть получено взамен соответствующее вознаграждение. И вообще, если подумать, то у нас очень много других нерешенных вопросов. Дело в том, что мы и сегодня думаем так, как думали все время. Когда говорят перестройка, я всегда спрашиваю себя: а что это такое? Потом читаю, что каждый должен начинать с себя. А как с себя начинать? Ведь сегодня мы думаем так же, как и вчера, а можем ли мы мыслить иначе? Ведь новаторство, как я понимаю, это более объективное отношение к реальности. А реальность в том, что материальное для актера — это очень важно.

Беру на себя смелость сказать, что труд крестьянина, труд шахтера — это тяжелая работа, но и наше дело очень тяжелое, мучительное. Я принадлежу к тем актерам, которые не говорят о том, какие творческие радости они испытывают на сцене. Для меня всегда это мучительно, тяжело, это все равно, что под знойным солнцем косить сено.

— А вот, скажем, почему мы не можем спросить с кого-нибудь персонально или с какой-нибудь организации за то, что самые зрелые годы многих хороших актеров проходят впустую? Талант ведь тоже национальное добро!

— Конечно, юридически такие лица и организации есть, но практически их нет. Я счи-

таю, что, скажем, театральные общества, кстати, они переименованы сейчас почему-то в театральные союзы, вот они, наверное, и должны заниматься подобными вопросами.

— Многие «корень зла» в театре также видят в отсутствии полноценной драматургии.

— Много, очень много у нас в драматургии мелкотемья, в общем-то всегда было трудно создавать драматургию, а сейчас особенно трудно. Легче брать какую-то маленькую тему и щекотать зрителей. Вот многие делают пьесы, которые смешат людей. Я не против комедии, но комедия тоже ведь должна иметь свой глубочайший смысл. Возьмем классику, скажем, «Ревизор» — комедия комедий, да? А сколько там сказанного, сколько могучего, мощного, непримиримого!

Армянская драматургия в редких случаях приносит в театр такой материал, на котором можно серьезно работать. Это беда, по-моему, всех театров. И боюсь, что это оттого, что у многих драматургов нет больших целей.

Вот мы говорили об актерях. Актеры ведь мельчают и эт репертуара, от ролей, которые играют. В конце концов каждая роль не только играет актером, но еще и воспитывает его морально, нравственно, показывает его гражданскую позицию. Я был тридцать лет назад совсем другой человек, может быть, лучше, но, скорее, хуже, потому что я не встретился с теми образами, с теми ролями, которые у меня были впоследствии и которые наложили свой огромный отпечаток на мою суть человеческую. А роли большие, масштабные нужны нам, актерам, как воздух. Да и не только как актерам, но и как людям, которые хотят внести свою лепту в грандиозные события, происходящие в наше время.

Беседу вел Н. СААКЯН.